

Ф. Сатлаев. Кумандинцы (историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX века). Горно-Алтайск, 1974, 199 стр.

Монографические описания отдельных народов или более узких этнических образований представляют значительную научную ценность, так как позволяют ознакомиться со своеобразными чертами их хозяйства, быта и культуры. К такого типа работам относится изданная Горно-Алтайским НИИ истории, языка и литературы книга Ф. Сатлаева, посвященная одной из этнических групп алтайцев — кумандинцам.

Ф. Сатлаев привлек для своего исследования как литературные, так и архивные материалы, хранящиеся в Ленинграде, Томске, Алтайском крае, Бийске, Новосибирске и в районных архивах Горно-Алтайской автономной области. Наиболее интересными являются этнографические сведения, собранные автором у кумандинцев и ставшие в ряде разделов книги единственным источником. Монография проиллюстрирована статистическими таблицами, фотографиями, графическими рисунками.

Книга состоит из небольшого предисловия, шести глав, заключения.

В первой главе — «Краткие исторические сведения о кумандинцах» автор кратко сообщает о прошлом кумандинцев, сосредотачивая внимание на очень важном моменте в истории Алтая в целом и кумандинцев в частности — вхождении родо-племенных групп и народностей этого края в состав Русского государства. Освещая вопрос об освоении Горного Алтая русскими, автор указывает, что их тесный контакт с аборигенным населением имел глубоко прогрессивное значение. Результатом установившихся связей с русской деревней были изменения традиционного типа хозяйства кумандинцев, в первую очередь распространение плужного земледелия. Читатель получает представление о расселении кумандинских родов и системе управления ими.

Рассмотрение процесса освоения русскими Горного Алтая, взаимоотношений кумандинцев с царскими чиновниками и с русскими поселенцами доведено до середины XIX в. К сожалению, при характеристике различных сторон хозяйственной деятельности, культуры и быта кумандинцев автор не отмечает какого-либо этнографического различия между верхними и нижними кумандинцами (*öre* и *алтына* или *түбене куманды*), хотя оно проявляется довольно отчетливо. Противоречиво выглядит рассмотрение Ф. Сатлаевым этнонима «куманды». Думается, что он не высказал до конца своего отношения к самоназванию и составу кумандинской народности, этническое ядро которой было весьма сложным, что потребует от исследователей дальнейшего изучения данного вопроса. Относительно этнонима «кумандинцы», давшего название народности в целом, Ф. А. Сатлаев только упоминает об отсутствии в обширной историко-этнографической литературе по данному вопросу «твердого» мнения (стр. 23). Трудности в исследовании родового состава кумандинцев, по-видимому, объясняются теми административными мероприятиями, которые царские чиновники проводили на территории расселения кумандинцев уже с середины XVIII в. Отсутствие достаточного количества материалов по рассматриваемому вопросу иногда приводит автора к необудительным выводам. Так, например, не объясняется, почему сеок найман (тайман), появившийся на Алтае после прихода Ермака в Сибирь, решил войти в кумандинский сеок шабат (стр. 25 и др.). Или почему целая группа родов (*челей, калар, чедибер, тастар, чоот* и др.) «вошла» в состав кумандинцев в течение XVIII—XIX вв. (стр. 26). О таких «вхождениях» иных родов в кумандинские автор пишет очень легко, без соответствующих объяснений и ссылок (см. стр. 24—28). Нам представляется, что это явление можно объяснить смешанным характером расселения сеоков, в результате которого с кумандинскими сеоками соседствуют телеутские, шорские и т. д.

Во второй главе автор подробно рассматривает хозяйство кумандинцев. Ведущей тенденцией его развития, как и у других народностей Сибири, было распространение земледелия. К началу XX в. оно стало в части сел и айлов ведущей отраслью хозяйства. Процент хозяйства, имеющих посевы, в отдельных населенных пунктах превысил 80, в других он достиг лишь 12—22. Ф. Сатлаев отмечает разницу между нижне- и верхнекумандинскими волостями. Первые значительно опережали вторые по уровню развития земледелия. И у них оно постепенно утрачивало натуральный характер, становясь у зажиточной части населения товарной отраслью хозяйства.

Как свидетельствуют исторические документы, в хозяйстве кумандинцев скотоводство играло незначительную роль. Только лошадей держали больше. Это, как полагает автор, объяснялось не только тем, что лошадь была тягловой силой в хозяйстве, но и тем, что она была основным средством передвижения, а ее мясо — одним из продуктов питания (стр. 44). На основании фольклорных материалов автор сделал вывод, что коневодство у кумандинцев существовало издавна. К сожалению, упомянутые фольклорные данные автор никак не датирует и не подтверждает сравнительным материалом. Поэтому вывод о раннем развитии коневодства у кумандинцев неубедителен. В связи с неодинаковыми формами содержания различных видов скота кумандинцами Ф. Сатлаев поднимает и исследует вопросы о собственности на сенокосные угодья, выгоны и т. д. Он считает, что скотоводство носило у кумандинцев оседлый характер.

Автор подробно описывает промысловую технику и домашние промыслы кумандинцев. Его вывод о комплексном характере их хозяйства подтверждается материалами, относящимися ко всем абorigенам горно-таежной полосы Южной Сибири, почему работа приобретает ценность и для сравнительного изучения обитателей региона.

Ф. Сатлаев иногда отступает от хронологических рамок исследования. Это характерно, например, для раздела, посвященного домашним промыслам. Основываясь на том факте, что домашние виды ремесел в прошлом обслуживали главным образом нужды отдельных хозяйств, автор отмечает в ряде случаев, что еще в XVIII в. кумандинцы некоторые свои изделия обменивали на нужные им изделия у алтайцев, шорцев и других народов.

К наиболее старинным видам домашнего ремесла Ф. Сатлаев относит кузнечный промысел. Уже в XVIII в. кумандинские кузнецы изготавливали трубки, таганы, ковши, тавра, предметы военного и охотничьего снаряжения. При этом качество изготовленных предметов было достаточно хорошим и высоко ценилось русскими чиновниками (стр. 71). К сожалению, как сам кузнечный промысел, так и его создатели недостаточно описаны в работе.

Большое внимание уделил автор описанию выделки кож, меньшее — валянию войлока.

Как известно, среди различных этнических групп алтайцев только кумандинцы издавна занимались ткачеством. Этот вид домашнего ремесла в свое время привлек внимание А. А. Попова, Н. Ф. Прытковой и других этнографов, которые в сравнительном плане привлекли кумандинский материал. К сожалению, автор монографии не дополняет наших знаний о ткачестве кумандинцев, зачастую ограничиваясь только ссылками на работу А. А. Попова, посвященную плетению и ткачеству у народов Сибири.

В разделе о ремеслах мы находим ценный и оригинальный этнографический материал об обработке дерева, об использовании бересты. Как и ткачество, обработка бересты и поделки из нее — одна из характерных особенностей традиционной культуры кумандинцев.

В разделе «Транспорт и хозяйственные связи» очень удачны, на наш взгляд, материалы о нартах и лыжах у кумандинцев. При анализе данных, связанных со снаряжением верховой лошади, досадным недочетом является отсутствие кумандинских терминов для седла и его деталей (стр. 80).

В главе третьей — «Общественно-политическое устройство» рассматриваются в первую очередь те общественные отношения, которые долгое время поддерживались политикой царского правительства. Ф. Сатлаев анализирует ряд экономических и правовых норм, определявших положение кумандинцев как «инородцев», обязанных не только вносить в царскую казну различного вида платежи, нести трудовые повинности, но также «оплачивать» специфические расходы на содержание местного родового управления, должностных лиц (зайсанов, демчи и др.). Социально-экономические отношения у кумандинцев к XIX в. носили уже весьма сложный и противоречивый характер. Внутри общины интенсивно шло имущественное расслоение, сопровождавшееся разорением низших слоев аила. Росла эксплуатация бедноты. Но при этом вывод автора: «Нет никакого сомнения в том, что кумандинское хозяйство утратило свой натуральный характер» (стр. 105) — выглядит слишком категоричным и не вполне согласуется с материалами, приведенными им самим при рассмотрении этого хозяйства.

Характеристика семейно-брачных отношений кумандинцев, у которых в конце XIX — начале XX в. господствующей формой была малая моногамная семья, по ряду этнографических признаков позволила автору выявить наличие у них в прошлом таких институтов, как левират, родовая экзогамия и др. Изучение свадебного цикла у кумандинцев показывает, что у них, как и у других этнических групп алтайцев, свадьба состояла из ряда этапов, определявшихся в основном патриархально-родовыми устоями и обычаями, где главными моментами являлись похищение невесты и уплата калыма.

Интересно описание брачной обрядности, хотя большие сомнения вызывает утверждение, что «наиболее распространенной формой у кумандинцев был брак путем похищения невесты» (стр. 109).

Очень содержательна глава четвертая — «Домашний быт», где дано описание быта, материальной культуры и религиозной обрядности. Автор, сам вышедший из среды кумандинцев, имевший в своей семье знатоков старины, обнаруживает отличное знание предмета и даже в пределах небольшой по объему главы сумел сообщить много нового и интересного.

В главе пятой — «Народная культура» Ф. А. Сатлаев дает краткую характеристику народного изобразительного искусства, рассматривая в основном орнаменты и технику их исполнения. Для некоторых орнаментальных узоров дается кумандинская терминология, но, к сожалению, отсутствие иллюстраций затрудняет понимание текста.

Имеются здесь, на наш взгляд, и некоторые другие недочеты. Так, к изображениям религиозного характера отнесены рисунки, выполненные «на кусочке холста». При этом не дается описания техники исполнения рисунков на холсте, да и сам предмет (культового назначения) в целом никак не назван (стр. 145).

В главе шестой — «Религиозные верования и обряды» автор главное внимание сосредотачивает на бытовании у кумандинцев шаманских и других более ранних пред-

ставлений, хотя в конце XIX в. большинство их приняло христианство. Как показывает Ф. А. Сатлаев, в основе религиозных представлений кумандинцев лежала вера в духов, населявших будто бы три сферы: небесную, земную и подземную. Духи эти делились на две категории: чистых (*арыг тос*) и нечистых (*кара тос*). Обе категории духов имели ярко выраженный родовой характер. У каждого рода имелся тот или иной *арыг* и *кара тос*, некоторые из этих тос включали скульптурное изображение. Пантеон почитаемых духов — покровителей родов включал в себя и категорию так называемых духов — хозяев (*эззи*) очага, жилища и др.

Как родовые духи-покровители, так и другие категории духов были у кумандинцев объектами культа и почитания. У кумандинцев, как и у большинства других народностей Саяно-Алтая, отмечены также культы гор, огня и др. Сложный и подробно изученный пантеон различных категорий духов Ф. А. Сатлаевым исследован в плане представлений, связанных с природой и человеком. Им приведен оригинальный материал о верованиях, связанных с рождением, смертью, болезнями человека. Анализируя данные Н. П. Дыренковой, автор пришел к интересным выводам о духах-покровителях материнского рода, известных у кумандинцев под названием *куртыян* и *орькбнер*, показал их роль и функции в религиозных представлениях кумандинцев.

Не менее оригинален и важен материал о кумандинских шаманах. Впервые в науку введены данные о становлении, избранничестве, атрибуции и аксессуарах, категориях кумандинских шаманов. Весьма удачна приведенная здесь иллюстрация — рисунок на шаманском бубне. Очень интересна подробная легенда к рисункам, сделанная Ф. Сатлаевым на основе разъяснения их значений знатоком алтайского шаманства А. В. Анохиным. В свое время он зарисовал этот бубен и дал кумандинские названия изображенных на нем фигур. К началу XX в. кумандинское шаманство носило профессиональный характер. Сфера деятельности шаманов была довольно разнообразной. Они не только лечили больных, но и испрашивали удачи на промысле, хорошего урожая, здоровья, приплода скота и т. д. Большинство камланий сопровождалось соответствующими жертвоприношениями с обращением к тем или иным духам.

Ф. А. Сатлаев уже опубликовал специальное исследование об одном интересном обряде кумандинцев, называвшемся *коча-кан*. В настоящей работе им дан краткий и сжатый анализ этого своеобразного обряда.

Погребальный обряд кумандинцев также не был ранее описан в этнографической литературе. Особенно ценны приведенные автором данные о действиях шамана, связанных с «отправлением» души (*сүри*) человека.

Большой интерес вызывает заключение книги, представляющее собой по существу краткий очерк жизни и быта кумандинцев в условиях социалистического строя. В нем в сжатом виде показано, как небольшая кумандинская народность, в прошлом весьма отсталая в экономическом, политическом и культурном отношении, перешла к социалистическому хозяйству, культуре и быту.

При всех своих достоинствах исследование Ф. Сатлаева вызывает все же некоторые замечания и возражения.

Не совсем четко продумана структура книги. Едва ли параграф «Семейно-брачные отношения» следовало включать в главу «Общественно-политическое устройство».

Приведенные статистические материалы, безусловно, обогащают книгу, но обращение автора с ними иногда не соответствует принятым требованиям. Так, некоторые данные, имеющиеся в таблицах, несопоставимы, а в отдельных случаях в них отсутствует датировка (см., например, стр. 86).

Нечетко определяется социальная структура кумандинского общества. Автор пишет: «Среди населения указанных сел были и зажиточные, и кулацко-байские хозяйства» (стр. 37), но определение понятия «бай» применительно к кумандинцам отсутствует. И совсем непонятен критерий выделения хозяйств зажиточных и байских. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо было рассмотреть подробней формы эксплуатации, но ограничиваясь констатацией применения наемного труда. По общему уровню развития кумандинского общества можно предполагать сохранение кабальных пережитков, соотношение которых с денежным наймом должно показать степень проникновения капиталистических отношений в местное хозяйство. Но должного внимания к докапиталистическим формам эксплуатации автор не проявляет.

Автор уклоняется от общего определения общественного строя кумандинцев. Его утверждение: «Практически зайсан пользовался неограниченной властью» (стр. 84) — звучит явно преувеличенно, так как тут же говорится о строгом подчинении зайсана местным русским властям. Право наказания и заключения простых людей под арест еще не является показателем «неограниченной власти». Дело заключалось, как и у других народов Южной Сибири, в том, что зайсаны (и соответствующие им должностные лица) распоряжались самоуправно лишь постольку, поскольку они не затрагивали интересов царизма, в первую очередь фискальных. Самодержавие насаждало формы управления, свойственные феодальной государственности; в кумандинском обществе они сочетались с еще живыми чертами патриархально-родового строя.

На наш взгляд, автор переоценивает значение «Устава об инородцах» 1822 г., ибо в регламентации землепользования он лишь санкционировал издавна сложившийся порядок.

К сожалению, содержание главы «Народная культура» ограничено рассказом о фольклоре и изобразительном искусстве. Работа очень бы выиграла, если бы автор

дополнил эту главу сведениями о народных знаниях, народном календаре и т. д. Невозможно согласиться с автором в оценке деятельности духовной миссии в пореформенное время. «Основное внимание миссии,— говорится на стр. 21,— в рассматриваемый период было направлено на обращение алтайцев в христианство и на развитие культурно-просветительной деятельности в либерально-буржуазном духе...». Православная церковь в Сибири как выразительница «либерально-буржуазного духа» и культуртрегер — это уж слишком! И сам автор, позабыв об этом комплименте, в другом месте в соответствии с истиной пишет об отрицательном влиянии миссии на кумандинцев, главным образом по линии идеологической (стр. 85).

В заключение автор хорошо показал экономический и духовный рост кумандинцев, но совсем не затронул такой обязательной в этнографических работах темы, как современные этнические процессы. А для данного исследования она тем более актуальна, что наряду с интернационализацией всех сторон жизни усиливается консолидация алтайцев, к числу которых относится и изучаемая этническая группа.

Можно отметить и некоторые несообразности. Например, на стр. 176 сказано, что после обобществления лошадей прекратился промысел кедрового ореха, «ибо в тайге без лошади промысловику делать нечего». И тут же сообщается, что на промысел стали приезжать горожане-кумандинцы и русские. Мало вероятно, чтобы они прибывали со своими конями.

Обидно, что работа небрежно отредактирована и потому во многих местах встречаются стилистические огрехи. А такие выражения, как «щылыта гусей и уток» (стр. 53) или «охотились при помощи солонца» (стр. 54), могли бы быть выправлены при самом поверхностном просмотре. Число опечаток много выше нормы, но перечень их не прилагается.

Можно надеяться, что эти замечания будут учтены автором в дальнейшей работе. Они носят частный характер и не умаляют значения полезной и содержательной книги Ф. Сатлаева. Она, несомненно, займет свое место в этнографической литературе по Сибири, и остается лишь пожелать, чтобы аналогичные исследования появлялись как можно чаще.

В. П. Дьяконова, Е. М. Залкинд

М. А. Хамиджанова. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. Душанбе, 1974, 179 стр., илл. (ротап rint)

В краткой аннотации, предпосланной рецензируемой монографии, подчеркивается, что это первая попытка описания и этнографического изучения материальной культуры горцев-матчинцев Таджикистана, переселившихся в 1957—1960 гг. на целинные земли Дальверзина. Знаменательно и посвящение автора: «Моей наставнице, Елене Михайловне Пещеревой, первой женщине-этнографу, посетившей Матчу в 20-е годы». Уже тогда, во время экспедиции 1924 г., возглавлявшейся М. С. Андреевым, были собраны обширные материалы по этнографии таджиков Матчи — высокогорного района, занимающего бассейн верховьев Зеравшана. Большим вкладом в изучение этого труднодоступного, сурового по природным условиям района явились также результаты Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР 1926—1927 гг. Однако материалы обеих экспедиций по ряду причин не были окончательно обработаны: опубликованы только краткие отчеты и небольшие статьи по некоторым темам. Предпринятая в 1958—1964 гг. Институтом истории АН Таджикской ССР экспедиция в верховья Зеравшана была осуществлением части общего плана коллектива таджикских этнографов по сплошному этнографическому изучению Таджикистана. Работа проводилась под руководством и при непосредственном участии ведущих этнографов Таджикистана А. К. Писарчик и Н. Н. Ершова. Результатом многолетней работы сотрудников экспедиции явились публикации как отдельных статей, так и коллективных монографий («Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана», «Таджики Каратегина и Дарваза»). К числу изданий, построенных на материалах этой экспедиции, относится и рецензируемая книга. М. А. Хамиджанова поставила перед собой задачу не только всесторонне исследовать традиционную культуру матчинцев, но и показать те громадные изменения, которые произошли в культуре этой небольшой группы горцев-таджиков за годы Советской власти.

Книга состоит из введения, трех глав («Селение и жилище», «Пища», «Одежда») и заключения. Основной замысел автора определил и структуру работы: в каждой главе соответствующий вид материальной культуры рассматривается до и после социалистических преобразований. Следуя марксистско-ленинской методологии, М. А. Хамиджанова рассматривает различные этапы в развитии культуры матчинцев в зависимости от изменения как общественных, так и природных факторов.

Горная Матча, как указано в работе, была до Великой Октябрьской социалистической революции одной из наиболее отсталых окраин Средней Азии. Исключительно низкий уровень экономики и культуры матчинцев был вызван многовековым господством феодализма в условиях крайнего малоземелья и полного бездорожья этого высокогорного края. Автор подчеркивает, что планировка селений была обусловлена характером рельефа, климатическими условиями и расселением семейно-родственными